

планом, позволяющим акцентировать внимание читателя на важных темах трактата путём постоянного возвращения к ним [17, 91–93].

Рассмотрим трактат подробнее. Во вступлении Катон заявляет, что быть названным «хорошим землевладельцем и хорошим хозяином» — наивысшая похвала (Cat. De Agr. 2–3). Далее он приводит 162 совета, как быть хорошим хозяином, затрагивая при этом самые разнообразные аспекты жизни поместья, начиная от устройства дома, сада и виноградника, заканчивая особенностями лечения волов. Результатом следования катоновским советам должно, очевидно, стать «идеальное поместье».

«Идеальное поместье» — стоюгерное «с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте», с виноградником, поливным огородом, ивняком, масличным садом, лугом, хлебной нивой, лесом и т. д. (Cat. De Agr. 1, 7), тем не менее, площадь, очевидно, условна: в дальнейшем в трактате упоминаются и большие числа: 120- или 240-югерный масличный сад (Cat. De Agr. 3, 7; Cat. De Agr. 10, 1), 100-югерный виноградник (Cat. De Agr. 11, 1) и др. Для каждого варианта приведены подробные расчёты, что подтверждает теорию М. Е. Сергеенко о круге соседей-читателей. При этом соседи-читатели одновременно являются и условными «соавторами»: так, в 152-й главе об изготовлении веников Катон пишет, что это «советы Манлиев» (Cat. De Agr. 152), однако подобное упоминание встречается в трактате один раз.

Поистине поражает глубина проработки ряда вопросов, например, изготовление вина и масла (описываются все этапы процесса от высадки растений до хранения и продажи готового продукта), автор постоянно к ним возвращается, перемежая пространные рекомендации краткими советами из других сфер. Менее важные для Катона темы даны чаще всего однократно и мимоходом, что, тем не менее, не умаляет их ценности для читателя.

Итогом подробного изучения трактата Катона становится гораздо более глубокое понимание устройства римского хозяйства и, возможно, создание условной схемы идеального катоновского поместья.

А. И. ЧЕРНЫХ (РГГУ)

СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Следует отметить, что проблема определения самого понятия «интеллектуал» была и остаётся одной из наиболее дискуссионных в современной гуманитарной мысли; по крайней мере, одни гуманитарные науки предлагают свои определения этого понятия, а другие предпочитают оставлять это понятие фигурой умолчания. Однако, кажется, на данный момент не вызывает сомнений, что интеллектуал — это человек, использующий интеллект в своей работе, которая, по его убеждению, имеет культурное значение. Ввиду этого положение интеллектуала в социальной структуре того или иного общества всегда вызывает интерес исследователей, в т. ч. и с точки зрения тех изменений, которые происходили с этой самой социальной структурой в исторической динамике.

Более того, по мнению Л. П. Репиной [16, 269–270], наиболее актуальным полем для современных историков представляются рубежные эпохи, во время которых происходят коренные ломки традиционных устоев, наблюдаются наиболее глубинные трансформации, которые со всей ясностью «обнажа-

ют» наиболее острые моменты в истории. Вне всякого сомнения, период Поздней Античности (здесь берётся хронологический отрезок времени с IV по V век н. э.) относится к числу таких эпох. Падение Западной Римской империи, окончательное обособление её восточной части, возникновение первых варварских королевств и повсеместное утверждение христианства — вот традиционный набор самых первичных критериев, по которым обычно обозначают этот рубеж между Античностью и Средними веками. Следовательно, изучение специфики положения интеллектуала именно в столь бурную эпоху представляется крайне актуальным. Целью же исследований по данной проблематике является анализ этой самой специфики как для более глубокого понимания периода Поздней Античности, так и для более глубокого понимания феномена «интеллектуала» вообще.

Одним из наиболее ярких представителей позднеантичного интеллектуализма был галло-римский аристократ, поэт и епископ г. Августонеметум (совр. Клермон-Ферран. — *Прим. авт.*) Гай Соллий Сидоний Аполлинарий (5 ноября 430 г. — ок. 486 г. н. э.). По мнению большинства исследователей, как зарубежных, так и отечественных, фигура этой исторической персоналии для изучения Поздней Античности является крайне важной и требующей пристального внимания со стороны историков.

Основной источник, по которому можно анализировать деятельность Сидония Аполлинария, — это собрание из его писем, написанных за период его епископства различным лицам: от церковных деятелей Римской Галлии до варварских королей. Ввиду всего вышеперечисленного, исследователи, изучающие данный период и отдельно деятельность Сидония Аполлинария, не могут обойти вниманием вопрос о его интеллектуальной деятельности, что особенно обостряется в связи с его поэтическим творчеством и высказываниями на данную тематику.

Исследователи отмечают, что Римская Галлия в исследуемый период вообще отличается небывалым подъёмом культурной жизни на фоне её угасания, например, в самой Италии. Кроме того, именно Римская Галлия была тем «плацдармом», через который с начала V века н. э. проходило большинство варварских племён; некоторые из них (бургунды, вестготы, аланы, франки и проч.) оседали там (первоначально — на правах федератов, а с течением времени — на правах сильного. — *Прим. авт.*), чем создавали весьма противоречивую ситуацию *modus vivendi* в виде соседства с местным галло-римским населением.

Исследование жизни и личности Сидония Аполлинария демонстрирует факт его высокого (для того времени. — *Прим. авт.*) уровня образованности. В своих письмах Сидоний постоянно подчёркивает важность того образования, которое он получил ещё в юности; его элегии различным лицам, бывшим в своё время его учителями, хотя являются панегириками, т. е. образцами подчёркнутого красноречия, тем не менее демонстрируют всю ту важность, которую Сидоний Аполлинарий придавал образованию, что также не проходит мимо внимания современной историографии.

Между тем потенциал писем Сидония всё ещё не оценен исследователями. Так, например, его письма свидетельствуют о том, Сидоний Аполлиний придавал особое значение литературной деятельности, считая её для аристократа единственным родом занятий, заслуживающим полноценного одобрения (Sid.

Ер. IV. 1). Не оставляет он без внимания и состояние латинского языка, сетуя на его ломку под влиянием варварских говоров (Sid. Ер. V. 5).

Таким образом, исходя из данных писем Сидония Аполлинария, можно заключить, что лично для него образованность и, что самое главное, литературная деятельность представлялись наиболее важными доминантами в позднеантичной культуре. Можно даже предположить, что именно это для него служило тем критерием, который отделял «настоящего римлянина» от «варвара», т. е. акцент был сделан не по принципу реального происхождения, но по культурно-образовательному принципу. Однако данный вопрос по-прежнему открыт и предполагает дополнительные исследования по данной тематике.

А. В. ХОРОШЕВА (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Н. Н. СТРАХОВ — «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЗГНАННИК»

Николай Николаевич Страхов (1828–1896) родился в Белгороде, в семье протоиерея, преподававшего в семинарии. Он сам первоначально пошёл по отцовскому пути, окончив данное учебное заведение, но затем отправился в Санкт-Петербург и поступил на математический факультет Петербургского университета. Религиозность и тяга к изучению естествознания создали особое мировоззрение, благодаря которому он вписал свою страницу в историю русской философии и публицистики. И хотя обычно его называют почвенником, внимательный исследователь его творчества увидит, что его система представлений выходит за рамки этого направления, а также то, что его нельзя отнести ни к идеалистам, ни к материалистам.

Однако вернёмся к его биографии. Из университета Страхов перевёлся на естественно-математическое отделение Главного педагогического института, защитил магистерскую диссертацию по зоологии «О костях запястья млекопитающих» в 1867 г. Не имея состояния, Страхову приходилось заниматься переводами, что ему великолепно удавалось. Так он сблизился с издательской средой, что, в конечном счете, и определило его дальнейший жизненный путь. Познакомившись в 1861 г. с Ф. М. Достоевским, он стал активным участником журналов «Время» (1862–1863) и «Эпоха» (1864–1865) братьев Достоевских. В дальнейшем Страхов сотрудничал в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Заря», отдельные его статьи были опубликованы и в других периодических изданиях. В журнале «Время» под псевдонимом Н. Косица он опубликовал ряд разгромных статей о Чернышевском и Писареве. Там же под псевдонимом «Русский» опубликовал статью «Роковой вопрос» о польском вопросе, но его манера изложения сыграла с ним злую шутку. Он любил сначала как бы сочувственно рассказать о вопросе, который собирался критиковать, и только в конце его развенчать. Катков, ознакомившись с первой частью, настоял на запрещении журнала. Он был возрождён уже под новым названием — «Эпоха», но собрать всех своих старых подписчиков не смог. Столь же печальной была судьба и ещё одного журнала, где Страхов выступал одним из организаторов и редакторов — «Зари» (1869–1872). Журнал имел чуть более двух тысяч подписчиков, что было средним показателем для того времени. С другой стороны, те немногие, что у него были, читали, скорее всего, с интересом, а главное — внимательно. Но и тут была пробле-